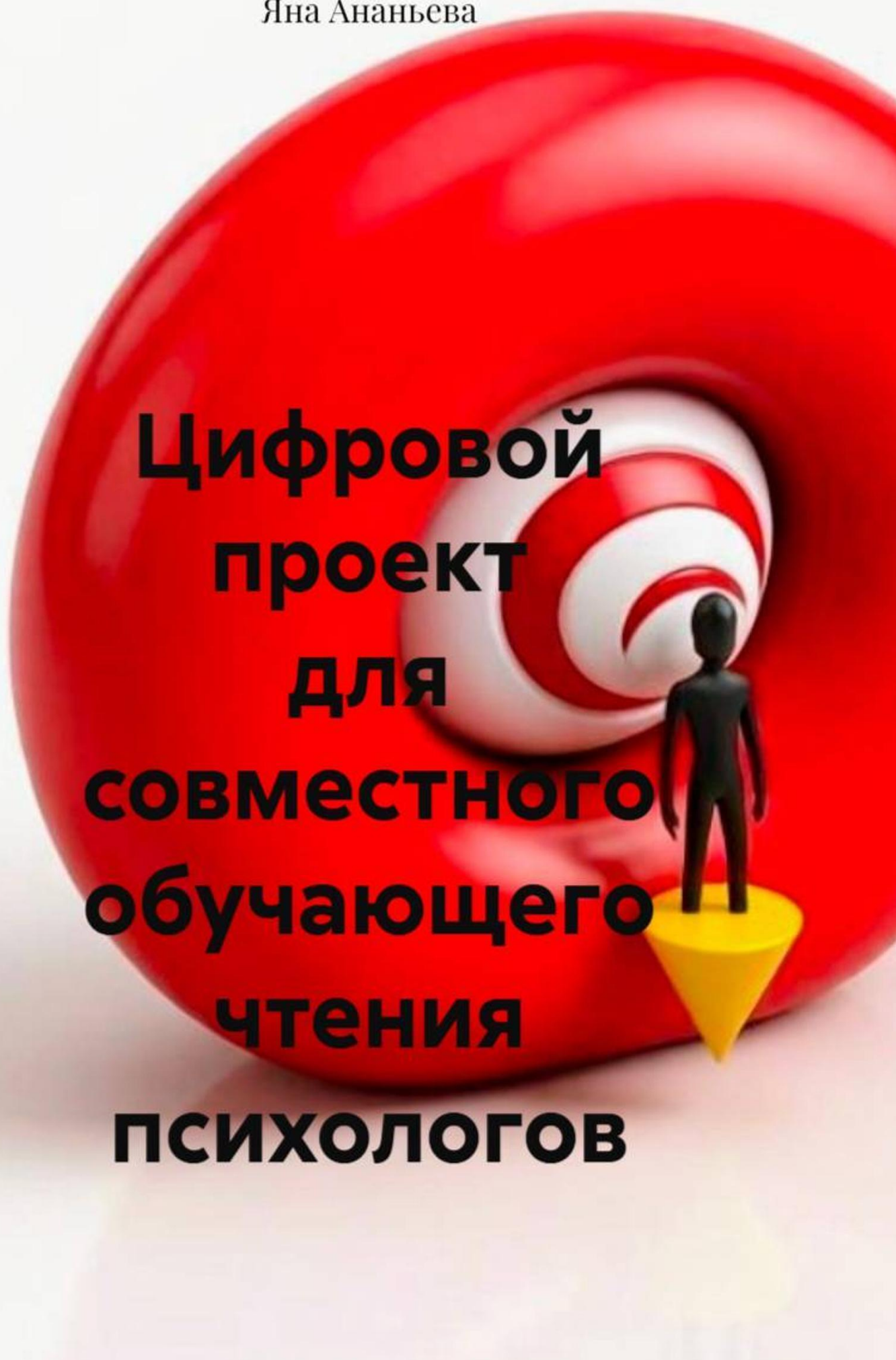

Яна Ананьева

**Цифровой
проект
для
совместного
обучающего
чтения
психологов**

Яна Ананьева

**Цифровой проект для совместного
обучающего чтения психологов**

«Автор»

2026

Ананьева Я. Г.

Цифровой проект для совместного обучающего чтения психологов
/ Я. Г. Ананьева — «Автор», 2026

Уникальный цифровой проект предназначенный для совместного обучающего чтения психологов.

© Ананьева Я. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Цифровой проект для совместного обучающего чтения психологов

Глава

«Коли ты хочешь, чтобы тебя уважали, во-первых и главное — уважай сам себя».

Достоевский

Обиделся и обидел

Мы со Славкой замерли посреди зала, оглушенные грохотом музыки и ослепленные вспышками света.

Вокруг нас все сверкало, двигалось, пульсировало в ритме оглушительных басов. «Бац-бац-бац-бац!»: колотило у нас в груди, и мы, просто не верили своим глазам.

Кто бы мог подумать, что в этом зачуханном, забытом богом городке отгрохают такое место?

Это был не просто какой-то сельский клуб с колонками «Электроника». Здесь все было по-настоящему.

Мощная акустическая система заливала танцпол чистейшим звуком, а сабвуферы заставляли вибрировать пол под ногами, добавляя музыке той самой глубины, без которой любой трек кажется плоским. За стеклом виднелся диджейский пульт, утыканный кнопками и ползунками, настоящий центр управления полетом, куда стекались сигналы с вертушек и микрофонов. Вращающиеся «головы» под потолком рисовали по стенам и танцующим динамичные узоры, узкие лучи beam-прожекторов пронзали искусственный дым, создавая нереальную, почти фантастическую картину.

А под самым потолком, как привет из прошлого, крутился классический зеркальный шар, рассыпая по залу тысячи солнечных зайчиков.

И вот в одном из этих мечущихся бликов я заметил их.

Две девушки. Ну, как девушки... Обычные девчонки из провинциального городка, в простеньких ситцевых платьях, совсем без косметики.

Неумело, но с отчаянным энтузиазмом они пытаются танцевать: подпрыгивают, вскидывают руки, то и дело поправляют волосы, смущенно и внимательно оглядываясь по сторонам.

Я же не дурак, сразу смекнул, что девчонки пришли знакомиться...

Когда диджей наконец сжалился над нами и поставил медляк, я решительно направился к той, что потемнее — к брюнеточке.

«Потанцуем?»: спросил я, стараясь выглядеть как можно увереннее.

Она кивнула, и я обнял ее за талию.

Мы слились в медленном танце. Она тут же доверчиво прижалась ко мне, и все ее движения, каждый ее взгляд, казалось, кричали о симпатии.

И тут в моей голове промелькнула дурная мысль. А что, если она... ну, вы понимаете, из тех, кто не отказывает? Уж больно смело себя ведет девченка.

Эта мысль придала мне храбрости. Я положил руки ей на плечи и начал легонько, но настойчиво давить вниз, намекая, чтобы она опустилась на колени.

Реакция последовала незамедлительно.

Девушка отстранилась, на секунду в ее глазах мелькнуло недоумение, сменившееся лютой яростью. И в следующий миг ее ладонь с размаху встретила с моей щекой. Звонкая, унижительная пощечина.

Музыка, казалось, стихла. Весь зал уставился на нас. Вокруг раздался смех.

Сгорая от стыда, я пулей вылетел на улицу, в ночную прохладу. Первым моим желанием было вернуться и врезать ей в ответ. Показать, кто здесь главный. Но я постоял, остыл и передумал.

Только вот обида... Знаете, она никуда не делась. Она поселилась где-то глубоко внутри, и с тех пор гложет и гложет меня, как яд».

Винклер отложил ручку и посмотрел на своего пациента.

Он молча слушал этот сбивчивый, полный самооправдания монолог, где каждое слово было попыткой переложить вину на кого-то другого: на обстоятельства, на девушку, на несправедливый мир.

Где-то он уже встречал нечто подобное...

Эта вечная история, в которой человек сначала наносит удар, а потом искусно выставляет себя жертвой ответной реакции.

Внезапно в голове Винклера вспыхнуло узнавание.

Точно! «Оскорбленные и униженные» — роман великого классика.

Только в этом случае роли были перевернуты.

Классическая инверсия, знакомая до боли!

«Я обидел, а потом сам обиделся...»: мысленно произнес Винклер знакомую диагностическую фразу, почти профессиональный афоризм в среде психотерапевтов.

Это был не крик раскаяния, а холодный расчет. Человек в кресле напротив не страдал от содеянного, он страдал от того, что его собственная жестокость не осталась безнаказанной.

Он был оскорблен тем, что его не простили, не поняли, не приняли его право быть выше морали.

Винклер тяжело вздохнул.

Диагноз был ясен и неутешителен.

Психопатия. Увы.

И никакие доводы здесь не помогут, потому что для этого человека существует лишь одна реальность — его собственная.

«Извиниться не пробовали?»: тихо спросил Винклер, предугадывая ответную реакцию пациента.

Парень сначала задумался, потом с удивлением посмотрел на доктора.

«Перед кем извиниться?!»: почти прошипел он.

«Перед человеком»: спокойно ответил Винклер.

«Увижу в этом городе человека — извинюсь»: ядовито произнес парень, встал с кресла и вышел из кабинета, громко хлопнув за собой дверью.

Барный эпатажник

Винклер вышел из особняка Воронцова и не спеша шагал по московским улицам, вдыхая прохладный воздух, в котором странным образом смешались ароматы шоколада и влажной брусчатки.

Его мысли всё ещё крутились вокруг сегодняшнего пациента.

Парень, безусловно, был классическим нарциссом с явными психопатическими чертами, но представлял ли он реальную угрозу социуму?

Винклер покачал головой. Скорее нет, чем да.

В этом молодом человеке было слишком много театральности, слишком много жажды внимания.

Он жил ради чужих взглядов, постоянно выстраивая декорации для собственного величия.

Да, он был эмоционально нестабилен, порой невыносим, но его «зло» было шумным и поверхностным.

Горький опыт Винклера утверждал, что настоящая опасность выглядит совсем иначе. Она не кричит, не хамит и не пытается эпатировать публику на провинциальных дискотеках.

По-настоящему страшные люди, попадавшие в его кабинет, всегда были пугающе тихими, вежливыми и педантичными.

Они идеально вписывались в социальные нормы, мастерски имитируя человечность через заученные клише.

И что удивительно, эта безупречная «правильность» усыпляла даже его бдительность, создавая иллюзию полной безопасности.

Винклер вспомнил одного из таких «тихонь» — человека, который за фасадом добропорядочного гражданина скрывал настоящий ад. В его трёхэтажном особняке, за закрытыми дверями, он годами удерживал людей, превращая их жизнь в рабство под дулом пистолета.

И ведь никто из соседей даже не заподозрил подвоха.

Просто он был слишком вежлив, слишком корректен, слишком «нормален».

В этом и заключался парадокс! Те, кто громче всех кричал о своей исключительности, были лишь жалкими актерами.

А те, кто молча сливался с серой массой, зачастую оказывались теми, кого стоило бояться больше всего.

Все в ад!

Аромат свежесваренного кофе, как теплый шарф окутывал доктора Винклера, сидящего за своим обычным столиком в маленьком кафе возле офиса.

Этот милый ритуал после работы стал для него почти священным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.